

На то, чтобы оправиться от побоев, у Ци Хэли ушло больше двух недель. За это время Цзян Мэнчжэнь несколько раз присылал к нему Чжухэня с целебными снадобьями. Юноши были ровесниками, к тому же Хэли всюду пытался разузнать у слуги о его хозяине, так что слово за слово — они быстро подружились.

— А наш молодой господин к тебе на редкость добр, — поддразнил Чжухэнь, примостившись на краю кана и беззаботно покачивая ногами. — Твой старший брат если и навещается в Павильон Слушания Дождя, так в восьми случаях из десяти уходит ни с чем.

— Вот как? — Ци Хэли невольно расплылся в улыбке, чувствуя, как сладко затрепетало сердце. Он тут же выгреб из закровов кучу сластей, которыми его баловала наложница Чжоу, и щедро придвинул их Чжухэню: — На, угощайся, не стесняйся!

— Ну и добряк же ты! — Чжухэнь расплылся в широкой улыбке. — С тех пор как мы приехали сюда из Цзянлина, молодой господин и почтенные няни только и твердят, что о приличиях да скромности. Гулять толком не дают, баловаться запрещают... Скука смертная, право слово!

— Тогда приходи играть ко мне, уж тут-то никто слова поперек не скажет! — пообещал Ци Хэли, горделиво выпятив грудь. — К тому же я почти совсем поправился. Думаю завтра навеститься к вам — поблагодарить брата Мэнчжэня.

— Я сейчас же доложу ему. Обязательно приходи!

На следующее утро Ци Хэли вскочил ни свет ни заря. Перемерив едва ли не весь свой гардероб, он наконец выбрал лучшее одеяние и скорым шагом направился к Павильону Слушания Дождя.

— Вчера вечером у молодого господина разыгралось вдохновение, он до глубокой ночи разбирал шахматные партии, поэтому сейчас еще спит. Посиди пока, попей чаю, подожди его, — Чжухэнь проводил гостя в приемную.

Ци Хэли послушно кивнул и уселся в кресло, однако взгляд его то и дело блуждал по сторонам — юноша явно что-то искал.

— Кого это ты высматриваешь? — поинтересовался Чжухэнь.

— Кошку... — робко выдавил Ци Хэли. — Я ведь подарил брату Мэнчжэню котенка. Он... оставил его у себя?

— Ах, так этот маленький разношерстный бесенок — твой подарок! — Чжухэнь заметил его робкий вид и, лукаво сверкнув глазами, решил поддразнить гостя: — Когда к нам недавно

заглядывал молодой господин У, он так смеялся над этим черно-белым чучелом! Говорил, неужели нашему господину держать у себя такую неблагородную дворняжку, советовал выбросить ее и завести породистого зверя.

У Ци Хэли упало сердце. Он уныло опустил голову, понимая, что в этих словах есть доля правды.

«И правда... Разве приبلудный котенок достоин такого человека, как брат Мэнчжэнь?»

Видя, как гость сдуря, словно проколотый мяч, Чжухэнь прыснул в кулак. Он схватил Хэли за руку и увлек за собой в глубь покоев. Миновав несколько коридоров, слуга толкнул резную дверь и аккуратно обошел стеклянную ширму, расписанную цветами четырех времен года. Чжухэнь прижал палец к губам, призывая к тишине, и подвел юношу к укрытой шелковыми занавесями постели.

Из резной курильницы струился тонкий ароматный дымок. Чжухэнь осторожно приподнял край полога, увлекая Ци Хэли за собой. Тот сделал шаг вперед и затаил дыхание.

Цзян Мэнчжэнь спал. Его шелковистые черные волосы живописным веером рассыпались по подушке. Тонкая рука небрежно покоилась поверх одеяла; рукав ночной рубашки задрался почти до локтя, обнажая точеную руку, белизною соперничавшую со свежим снегом. А в самом изгибе его локтя, уткнувшись пушистой мордочкой в теплое плечо, безмятежно сопел котенок.

«Он не выбросил его! Он пригрел его у себя!»

От этой мысли у Ци Хэли закружилась голова. Оглушительное счастье затопило разум: его скромный дар приняли с такой нежностью! Он стоял как замороженный, не в силах отвести взгляд, а сердце в его груди колотилось как безумное. Сладкий, едва уловимый аромат благовоний кружил голову. В этот миг юноше почудилось, будто он сам обратился в этого пушистого зверька, свернувшегося на груди Цзян Мэнчжэня — спать в его тепле, делить с ним пищу и кров, не расставаясь ни днем ни ночью... О, за такое блаженство и умереть не жалко!

В утренней тишине спальни вдруг послышался тихий шорох шелковых юбок. Чжухэнь вздрогнул от испуга, вцепился в ладонь Хэли и потащил его прочь:

— Беда, сестрица Биянь идет! Живее, за мной!

Кое-как добравшись переходами до передней залы, они наконец смогли перевести дух. Их ладони взмокли от волнения. Чжухэнь украдкой покосился на Ци Хэли и заметил, что тот даже не думает выпускать его руку. Слуге стало и неловко, и почему-то радостно; лишь мгновение спустя он мягко высвободил свои пальцы.

Вскоре из опочивальни вышел сам Цзян Мэнчжэнь. Ци Хэли тут же подался вперед:

— Брат Мэньчжэнь! — выдохнул он, глупо улыбаясь.

Мэньчжэнь ласково расспросил гостя о здоровье, но тот лишь завороченно улыбался в ответ. Решив, что Хэли еще не окреп после тяжелых побоев и быстро утомляется, хозяин павильона мягко спровадил его отдыхать.

Ци Хэли остановился под цветущей магнолией у ворот павильона, все еще чувствуя себя окрыленным. Из этого сонного оцепенения его вырвал чей-то знакомый голос:

— Второй брат? Что ты здесь делаешь?

— Старший брат, — Ци Хэли виновато опустил глаза. — Я... приходил выразить благодарность молодому господину Цзяну.

— Да, это правильно, — кивнул Ци Фэнцзю. Он помедлил, словно подбирая слова, а затем небрежно обронил: — Слышал, молодой господин Цзян присылал тебе целебные снадобья. Вы так близки?

— Вовсе нет, — у Хэли тревожно сжалось сердце. Тщательно взвешивая каждое слово, он поспешил оправдаться: — Просто однажды во время снегопада мы случайно столкнулись в саду. Молодой господин Цзян заметил, что раз уж мы родственники, я могу навещать к нему, когда выдастся свободная минутка.

— Вот оно что... — Ци Фэнцзю обратил тоскливый взгляд на Павильон Слушания Дожда и тихо вздохнул: — Послушай, у меня к тебе большая просьба.

— Какая?

— Когда в следующий раз соберешься к молодому господину Цзяну, не мог бы ты передать ему этот парчовый мешочек?

Ци Хэли перевел взгляд на изящный расшитый кошель в руках брата и поджал губы.

— Почему бы тебе самому не отдать его?

Ци Фэнцзю горько усмехнулся:

— Мне, в отличие от тебя, не пристало так просто приходить к нему. Стоит мне переступить порог Павильона Слушания Дожда, как тут же поползут грязные слухи. Ему и самому приходится держаться от меня на расстоянии... Знаешь, я тебе даже завидую.

Причина этой зависти была проста: в глазах домашних Ци Хэли оставался несмышленым ребенком, тогда как старший брат, будучи завидным женихом законным наследником, обязан был соблюдать строжайшие правила приличия. Хэли прекрасно это понимал, и оттого к горлу подступил горький ком. Неужели для Цзян Мэнчжэня он навеки останется лишь нескладным глупым мальчишкой, подглядывающим из-за забора?

Видя, что младший брат молча понурил голову, Ци Фэнцзю вложил ароматный кошель ему в ладонь:

— Так или иначе, я у тебя в долгу. Спасибо.

Парчовый мешочек показался Хэли раскаленным углем, обжигающим ладонь.

— Старший брат... — нерешительно окликнул он, но Ци Фэнцзю, словно не услышав, уже удалялся прочь быстрым шагом.

«О, если бы Фэнцзю не защитил меня тогда в саду! Если бы он помыкал мной, как старший законный сын! Тогда я со спокойной душой швырнул бы этот кошель в огонь...»

Ему претила мысль стать безликим посредником в чужой любовной драме — тем самым сводником, что тайно носит записочки разлученным влюбленным. Ци Хэли не желал помогать им. В своих сокровенных мечтах он хотел, чтобы Цзян Мэнчжэнь принадлежал только ему, оставаясь милым братом Мэнчжэнем, а вовсе не превращался в супругу старшего брата.

Пока он терзался сомнениями, кто-то хлопнул его по плечу. Сзади послышался веселый голос Чжухэня:

— Ты чего тут застыл? А что это у тебя в руках? Какое тонкое шитье!

— На, заberi, как раз... — Ци Хэли поспешил избавиться от проклятого кошель и сунул его Чжухэню, точно горячую лепешку: — Это тебе... Передай...

— Мне? Это... подарок для меня? — изумился слуга.

Ци Хэли отшатнулся на несколько шагов. В голове царил полнейший сумбур. Юноша открыл было рот, но так и не решился ничего объяснить, развернулся и бросился наутек.

«Какая разница! — убеждал он себя на бегу. — Я ведь сказал «заberi». Расслышал он или нет — не моя забота! Брат Фэнцзю, прости... Это в первый и последний раз!»

Чжухэнь в недоумении застыл на тропинке, вертя в руках изящную вещицу. Вскоре он нащупал внутри плотную бумагу — то была розовая записка, на которой каллиграфическим почерком

вывели стихотворную строку:

«Пусть страсть весенняя с цветами не соперничает в силе: на каждый вершок любви — вершок истлевшего пепла».

Чжухэнь с малых лет рос подле молодого господина Цзяна и знал грамоту. Перечитав стихи еще раз, он невольно вспомнил растерянный вид Ци Хэли, тепло его мокрой от волнения ладони — и сердце его сладко затрепетало, унося мысли куда-то далеко.

\*\*\*

После полудня в гости к Цзян Мэнчжэню пожаловал молодой господин У — У Сисчунь. Расположившись у небольшого окна, они затеяли партию в го, однако не успели сделать и десятка ходов, как Сисчунь замер, задумчиво вертя в пальцах костяную фишку.

— Ну и чудеса сегодня творятся. Что с вами со всеми стряслось? — Цзян Мэнчжэнь со щелчком опустил белую фишку обратно в чашу. — Чжухэнь с самого утра ходит сам не свой — пролил чай и даже не заметил. А ты? Какую хитроумную тактику ты пытаешься выстроить, раз застыл в нерешительности в самом начале партии?

У Сисчунь со вздохом опустил фишку на стол:

— Ах, Мэнчжэнь... На душе так тяжело, а поделиться и не с кем. Ань Чжюань обмолвился, что супруга графа Юньаня подыскивает ему невесту.

— И из какой же они семьи?

— Дочь купца, — на лице Сисчуня отразилось глубокое возмущение. — И пусть сейчас его родня баснословно богата, их предки были простыми мясниками! Уму непостижимо, какая низость!

— Но женится ли он на купеческой дочери или на девице из знатного рода — как это касается тебя? — мягко улыбнулся Мэнчжэнь.

Сисчунь с обидой покосился на него и проворчал:

— Я-то считал тебя верным другом, доверил сокровенные думы, а ты надо мной подтруниваешь...

Цзян Мэнчжэнь лишь покачал головой:

— Я ведь предупреждал тебя: держись подальше от праздных мужчин, будь осторожнее. Ты не слушал, вот и нажил себе забот.

— Поначалу я и думать о нем не желал! — горячо возразил Сисчунь. — Но со временем... Ах, его судьба столь печальна, мое сердце просто разрывается от жалости! Поместье графа Юньяня по праву принадлежит ему, а мачеха заставляет его пойти в примачи к безродным торговцам. Это же несправедливо!

— Только если Ань Чжюань примет чужую фамилию и уйдет в дом жены, титул наследника достанется другому. Как бы ни враждовали между собой жены старого графа, в этом деле они наверняка выступят единым фронтом.

— Вот именно! Сначала избавятся от него, а потом уж сцепятся друг с другом. Но что же нам делать? — Сисчунь умоляюще посмотрел на друга.

— Эта партия кажется проигранной, однако в любой безвыходной ситуации таится лазейка для спасения, — Цзян Мэнчжэнь легонько постучал пальцем по доске. — Чтобы возродиться, порой нужно дойти до самого края. Все зависит от того, готов ли один человек рискнуть и сделать свой ход.

У Сисчунь внезапно умолк. Заметив, как густая краска заливает щеки друга, Мэнчжэнь с тревогой взял его за руку:

— Таюань, подумай хорошенько. Поместье графа Юньяня — это ядовитое болото, кишачее змеями. Даже если за твоей спиной стоит влиятельное Поместье графа Уяна, стоит тебе вмешаться — и ты погрязнешь в их грязных интригах. Окажешься ли ты в силах защитить себя? Действительно ли Ань Чжюань стоит таких жертв?

— Я и сам не знаю, — Сисчунь прижал ладонь к груди и грустно нахмурился. — Когда он рядом, на душе становится так светло. А стоит ему уйти — и внутри разливается щемящая пустота...

— Нам не пристало вести столь вольные беседы, но я очень за тебя боюсь, — вздохнул Мэнчжэнь. — Я и сам не отличаюсь благоразумием, но ты превзошел меня в своей слепой вере. Твое сердце чисто и незащищено, ты отдаешь ему всю свою нежность... Но уверен ли ты в искренности ответных чувств Ань Чжюаня?

— Он... он... — Сисчунь смущенно опустил взгляд и пробормотал: — Хоть он и не признавался открыто, но помнит наизусть каждое написанное мной стихотворение...

— Что ж, это действительно говорит о многом, — задумчиво произнес Мэнчжэнь. — Если его чувства чисты, а ты разглядел его благородство в час невзгод, такой союз будет в сто крат лучше бездушного брака по расчету. — Он ненадолго задумался. — Тебе не нужно торопить события. Попроси свою матушку, графиню Уян, пустить в свете легкий слух. Это остудит пыл

купцов, желающих заполучить Чжюаня в зятя, а дальше будет видно.

— Верно, как же ты прав! — Сисчунь просиял и крепко сжал пальцы друга. — Вот только если я... мы станем видеться гораздо реже. Тебе ведь будет одиноко без меня?

— Только и слышно от тебя: «Ань Чжюань» да «замужество»! Совсем стыд потерял, молодой господин У! — беззлобно поддразнил его Мэнчжэнь.

Они еще немного поболтали о пустяках, и вскоре Сисчунь, окрыленный надеждой, ушел. Цзян Мэнчжэнь долго стоял на пороге, провожая его взглядом.

Судьбы Сисчуна и Ань Чжюаня связал крошечный котенок, а где же предначертанный ему удел? Суждено ли ему встретить того единственного, кому можно без страха вверить свое сердце и жизнь? В нежные четырнадцать лет само слово «навек» пугает своей неопределенностью, но и манит сладостным ожиданием.

В сгущающихся сумерках удаляющаяся фигура друга показалась ему преисполненной отчаянной, почти жертвенной решимости, точно воин, отправляющийся на битву, исход которой скрыт туманом. Быть может, первая любовь и брачный союз двух семей — это тоже война? Столкновение, где ставится на кон все без остатка, а победу или гибель предсказать невозможно.

От этих мыслей Цзян Мэнчжэнь внезапно бросило в дрожь. Он поспешно закрыл тяжелые деревянные створки дверей, словно прячась от ледящего ветра сомнений.

Под тонким серпом молодой луны У Сисчунь шагал навстречу своей неясной судьбе, скрытой ночной прохладой, а Цзян Мэнчжэнь остался за закрытыми дверями — один на один со своими думами в тишине опустевших покоев.

<http://bllate.org/book/19598/2002403>